

– О чём задумался, детина? – хлопнув Костю по плечу ладонью, спросил незаметно подошедший сзади Кешка – его товарищ и напарник по работе, редко впадавший в уныние.

– Никак, казачка изменила, другому сердце отдала?! Не горюй. Мы тебе из дальних стойбищ такую эвенкиечку сосватаем, сама тундра задохнётся от зависти.

И примолк, глядя, как неяркое солнце, блеснув лучом в последний раз, упало за горизонт, оставив малиновый румянец зари, которая, задержавшись на горизонте день–два, начнёт потихоньку чахнуть, угасать, а затем и совсем исчезнет на долгие четыре месяца.

– Что сделаешь, Костян... Привыкай к новому режиму жизни!

И, вздохнув понимающе, добавил:

– Мне легче, я местный.

Костя ничего не ответил.

В Заполярье он прилетел ранней весной, как позже шутил Кешка: «Тебя журавли притащили»...

Ребята, его сослуживцы, после дембеля почти все по комсомольским путёвкам прилетели на полгода раньше и уже успели адаптироваться, «перезимогорить». Бывшие танкисты, пересев на «Ураганы», без труда освоили их и доставляли на отдалённые скважины оборудование для сборки нефтяных вышек и прочие тяжёлые грузы.

После переписки Костя тоже примкнул к ним. Не избалованный жизнью сибиряк, он не особо пасовал перед трудностями.

Весна в тундре, конечно, скупер, чем на материке, но весна – она везде весна. За короткое отведённое природой время, всё живое спешило наладиться ею и успеть за такое же короткое лето дать жизнь новому поколению: травам, цветам, зверям и птицам. И не только дать, но и научить приспособиться в этом суровом крае.

Сразу на новом месте Косте некогда было обращать внимание на окружающий мир. Он то устраивался на работу, то заселялся в обща-

гу (дощатый барак). Пока знакомился с новой техникой и с напарником, весна успела породниться с летом.

В отделе кадров его порадовали: «Повезло тебе, парень, с напарником – хороший механик-водитель и надёжный товарищ». Родом Кешка «почти тутошний», как он выражался, – из посёлка, что приютился в низовье Нижней Тунгуски.

– Почти рядом, всего «два лаптя на карте», – для вкуса всегда добавлял Кешка.

Его отец был русский, а мать эвенкийка, от неё он унаследовал слегка раскосые глаза и чёрные волосы. «Получалдон – получукча», – отзывался о себе.

Напарник был немного младше Кости, но намного опытнее, особенно в местных условиях, и иногда мягко «задавал тон». К советам его Костя прислушивался и не претендовал на старшинство. Они быстро нашли общий язык, сдружились и начали понимать друг друга с полуслова.

Кешка учил Костю ориентироваться на местности при беззвёздном небе – по деревьям, травам, цветам, даже по норам грызунов (евражек, пеструшек и прочих). Много полезного перенял у него Костя и был благодарен за это.

Вот и сейчас они стояли рядом, наблюдая за тускнеющей зарёй и свинцовым, равнодушным небом, которое ничего не обещало, кроме арктического холода. И как будто что-то надломилось в душе у Кости. Как можно свыкнуться с тем, что в эти долгие четыре месяца всё время будет ночь – без солнца, без света, без времени, что не поймёшь, когда ночь, когда день... И только транзистор с будильником смогут разрешить этот вопрос.

За неделю до рейса Костя впал в уныние. Как будто само небо начало стеснять его, давить, и он чувствовал себя спелёнутым – даже дышать стало труднее. Ему уже с трудом ве-

рилось, что где-то на материке люди живут полноценной жизнью, встречают и провожают солнце, радуются, любят... А он здесь – как заживо погребённый.

Особенно невмоготу стало, когда загуляла пурга. Она ломилась в двери барака, требуя жертву, и приходилось ждать в четырёх стенах, когда эта бессловесная тварь напляшется, нагуляется, насытится своим превосходством и, наконец, выдохнувшись, успокоится, уложившись в несколько суток. А на смену этой седой ведьме заглянул дедушка Мороз и, чтобы не растаять, понизил температуру до минус пятидесяти восьми.

И хотя Костя привык к морозам, правда, послабее, все его мысли начали склоняться к одному:

«А не бросить ли всё это: и «придуманную» романтику, и это «испытание себя», и эти длинные рубли? Во имя чего рвать душу и тело?... Договориться с летунами вертушки, чтобы они добросили в город, взять расчёт в управлении – и купить билет... А куда билет? До детства? Так уже все билеты проданы, как скажет кассирша и пошлёт куда подальше, и добавит: «А ещё мужик называется»... Да и что подумают и скажут твои друзья-однополчане, которые всегда верили в тебя – и тогда на службе, и сейчас? Ведь и им трудно, но они работают. А я чем хуже?»...

Подобные мысли не давали покоя Косте.

Кешка, видя, как переживает его товарищ, старался убедить его:

– Знаешь, друган, не ты первый и не ты последний, кто проходит здесь «звуковой барьер». Знаю, трудно привыкнуть к этой долгой ночи. Не все выдерживали – удирали на материк. Но что подумают о тебе твои бывшие бойцы, и что будут думать в течение жизни?

И выложил последний аргумент:

– Дождись хоть пазорей! Может, они проветрят твою голову!

– А что за пазори? – спросил Костя.

– Дождёшься, увидишь сам, – ответил Кешка.

Через день ему с Кешкой предстоял рейс к Большим озёрам, и поэтому за приготовлениями не было свободного времени.

Вечером, когда уставший Костя прилёт отдохнуть, в барак влетел Кешка.

– Чего улёгся? Давай на улицу! Пазори проспишь...

Накинув куртку и нахлобучив шапку, Костя вышел наружу барака и задрал голову.

На мрачном, до сих пор безжизненном небе, где еле-еле мерцали звёзды, вдруг проступил румянец. Он проявлялся всё ярче, отчётливее, охватывая больше половины небосвода и переходя в пурпурный цвет, который постепенно

приобретал оранжевые, затем жёлтые и алые оттенки. Так продолжалось минут пять. Постепенно краски начали угасать, вянуть. И вдруг в южной части неба, неведь откуда, вырвались разноцветные лучи и молниями устремились к зениту.

Взгляд не успевал поймать, откуда они появлялись и куда исчезали.

На смену им заступала северная сторона. Сначала появились вертикальные белёсые полосы, которые начали расширяться и превратились в сплошной занавес, покачивающийся, словно от слабого дуновения ветра. И как будто из-под земли вверх вознеслись праздничным салютом тысячи разноцветных лучей, образуя громадный веер, которым обмахивал себя сам Создатель этого чуда, разомлев от космической «жары»...

Как богатый купец, Север выставил напоказ все свои сокровища, которые хранил до поры в царстве вечного холода – в замке Снежной королевы, и время от времени вынимал их оттуда и показывал людям, дескать: «Куда вам со своими земными украшениями до моих неземных! Смотрите! И не надо бояться, а надо уважать и соблюдать мои законы...».

Раскрыв рот, Костя глядел и не успевал переваривать в голове только что увиденную неземную красоту. Но вот краски и тона начали угасать, блекнуть, превращаться в белые полосы и рассеиваться, а Костя мысленно просил, умолял неведомого властелина: «Ну, повтори, продли эти мгновения!»

Пазори ликовали и завораживали минут тридцать-сорок.

Некоторое время два друга стояли молча, а затем Костя тихо спросил:

– И часто они появляются, эти пазори?

Вместо ответа Кешка взял его рукой за локоть и повлёк в барак:

– Посмотри на себя! Ты дрожишь, как лист осинковый.

Действительно, Костю кидало в дрожь то ли от холода, то ли от пережитого.

И лишь немного погодя, когда он пришёл в себя после кружки горячего крепкого чая, Кешка дал ответ на его вопрос:

– Когда как – когда часто, а когда нет... Ещё насмотришься, если дурь из головы выветрится.

Позже и в рейсах, и во время отдыха он не раз наблюдал игры пазорей – или сполохов, или северного сияния, по-всякому их называют в разных местах Севера. И каждый раз они были в новинку для него своей красотой и величием, своей неповторимостью.

И тогда Костя понял, что никакая сила не заставит его без причины покинуть эти края, созданные для сильных духом.